

В. П. Раков

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МОДЕРНА

1. *Вводные замечания.* Известно, что на сегодняшний день не существует общепринятого определения интеллигенции. Тут накопилось неизмеримое количество формулировок, изо дня в день умножающихся.¹ Стремясь понять общее состояние проблемы, приходишь к выводу, что мы имеем дело не столько с причиной, сколько с ее следствием. В истории культуры время не всегда совпадает с ритмом событий. Сменяются эпохи, однако та или иная проблема остается в ряду «малопродвинутых». Имея в виду такую науку, как история общественной мысли, М. О. Гершензон в 1908 году писал: «Можно подумать, что законы научного мышления для нее не писаны. Ни однородность исследуемых явлений, ни строгая определенность понятий, ни единство метода – здесь ничего этого нет и в помине. Все свалено в кучу: поэзия и политика, творческие умы и масса, мысль и чувство, дело и слово... При такой дикой неразборчивости понятий, материалов и методов нет ничего удивительного, что все усилия наших исследователей выяснить основные черты духовного развития русского общества <...> привели к ужасному искажению картины нашего прошлого, к искажению фактов и перспективы, лиц и фазисов развития. Сколько умственных течений замолчано, сколько забыто высоких помыслов, светлых образов, глубоких исканий!»²

Эти горестные наблюдения можно было бы связать с положением дел, какое мы наблюдаем в современном интеллигентоведении. Наряду с трудами, пишущимися, в основном, историками, изучающими тему «Культура в лицах» и возвращающими некогда отторженные и забытые имена, печатаются статьи, а то и книги, качество которых, мягко говоря, желает быть лучшим. Ценные

Раков Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета

материалы, вводимые в научный обиход, часто не находят адекватной интерпретации, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, до сих пор живуч методологический порок (и это стало общим местом в критических обзорах научной литературы), заключающийся в уступках, которые в течение десятилетий исследователи были вынуждены делать господствующей идеологии, то есть политизированным трактовкам чего бы то ни было в области гуманитарного знания. Во-вторых, слабая развитость самого языка науки, что вело к зауженным горизонтам восприятия тематизируемого материала. Наконец, нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что оторванность исторической науки, как, впрочем, и всех других, от мирового познавательного процесса не могла не содействовать герметизации методов исследования. Однако, волею судеб, все эти негативные факторы – в прошлом, что, к сожалению, совсем не означает их бесследного исчезновения. Сознание ученых до сих пор не свободно от стремления опереться на доминантные способы мышления – взамен его синтетическим формам. Это особенно заметно там, где речь идет об изучении деятельности интеллигенции в сфере государственной и политической жизни. Есть желание понять личность деятеля – в узких рамках, в границах ее функций, и не более. Суть же вопроса состоит в том, что стиль функционального поведения человека обусловлен как его индивидуальностью, так и причинами широкого культурного и духовного плана. Примерно об этом же писал Г. В. Флоровский в 1913 году, когда указывал, что, например, «политические взгляды не составляют сердцевины человеческого мирозерцания, они лишь одна из его глав, и в тесной связи стоит их характер с теми решениями самых общих философских проблем, коренных метафизических вопросов, которые даются данным индивидуумом. Изучение исторического хода развития общественной метафизики <...> должно, таким образом, предшествовать истории политического самосознания, чтобы понимание последнего было возможно в наибольшей полноте»³. В свете вышесказанного, Флоровского не удовлетворяют такие фундаментальные труды, как «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова и «История русской интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского⁴.

С позиций современных методологических стратегий, сочетающих в себе элементы политологического и культурно-типологического анализов, этот пафос Флоровского должен приветствоваться. В эпоху тотального модерна с его плюрализмом в воззрениях на мир, человека и историю весьма трудно достичь научного монизма. Тем не менее, мы далеки от чувства безнадежности и в ранее опубликованных работах стремились, в общих чертах, сформулировать творческие подходы к теме русского монархизма и интеллигенции консервативного направления⁵.

Воздавая должное специалистам, исследующим данную проблематику, мы, вместе с тем, выдвигаем программу рассмотрения монархизма в качестве синтетического историко-культурного мифа во всей сложности его морфологии, в частности, архетипных концептов, составляющих топику национальной духовности. Освобождая дискурс от всякого рода идеологичности, мы заостряем внимание на ценностном содержании монархизма, за плечами которого – тысячелетняя культура и величие России.

Нашей Отчизне было суждено пережить такие социальные катаклизмы, от которых она не оправилась и доныне. Есть опасение за ее будущее. Какой политический строй был сокрушен, мы знаем. Но какая культура была раздавлена и большей частью уничтожена, об этом пора задуматься и дать себе ясный отчет. Писать об интеллигенции, особенно о той, что принимала активное участие в строительстве дореволюционной Империи – вплоть до времени ее падения, можно при одном условии, понимаемом в качестве нравственного императива: нужно знать внутренний мир личности и ту культуру, в лоне которой она не просто воспитывалась, но ради которой она была готова принести в жертву собственную жизнь. Феномен мыслящего и действующего человека только и может быть понят в единстве с типом питавшей его этической, философской и эстетической атмосферы. В данном сочинении мы будем иметь дело с так называемой традиционной или классической культурой в ее столкновениях на политической арене с силами модернизма, то есть с новой идеологией и с дотолем в России невиданными средствами ее утверждения. Насколько герметична клас-

сика по отношению к изменившейся реальности? В какой мере она способна культивировать принцип диалогичности в межпартийном общении? Находила ли она в себе ресурсы, которые помогли бы сдержать агрессивное поведение ее политизированных антагонистов, точнее, противников и врагов? Вопросы требуют ответа.

В политических спорах, а также в борьбе, в пучину которой, вместе с наступившим XX веком, погрузилась Россия, как никогда остро и четко проясняются *ключевые слова*, составляющие семиозис эпохи. Вне этих слов невозможно понять ни время, ни психологию, ни поведение людей, присутствующих на пиру жизни и принимающих участие как в боевых сражениях, так и в словесной полемике. Но действующие лица истории – это еще и участники тризны и траурного плача. В такие времена мир оказывается лежащим во зле и его чадности. Сколько соблазнов грубой силою, переходящей в зверства и слепое истребление – *иных*, тех, кто побежден сейчас, но будет торжествовать в памяти, этой, по мысли древних, матери культуры! Сказанное – отнюдь не плод авторской риторики: ведь за выразительными формами исследовательского дискурса стоят исторические личности и их судьбы, труды и не ставшие осуществленными идеалы. Все это – не из области личных неудач. Поражения таких людей по своему значению превыше всякого субъективного толкования. Они – символичны и потому составляют сюжетную канву истории и входят в ткань культуры. Одной из подобных фигур, несомненно, является К. П. Победоносцев. Философ и политик, проповедник и филолог, юрист и писатель, человек аскезы и стратег имперской государственности – все в нем сочеталось органически прочно, светло и честно. Так, по крайней мере, он воспринимается автором этих строк, которому известно и то, что в сознании современников Победоносцев демонизировался, его образ рисовался в духе *inferno*. Но та, уже ушедшая в бездну истории, эпоха сама была поражена вирусом хтонических страстей и множеством фобий. Поэтому для нас творчески содержательными представляются суждения человека, которого невозможно заподозрить в необъективности. Мы имеем в виду Н. А. Бердяева, писавшего о том, что «Победоносцев был бо-

лее замечательным, сложным и интересным человеком, чем это о нем думают, когда обращают внимание исключительно на его реакционную политику»⁶. Заметим, что последние два слова приведенной цитаты – элементы того стиля, который характерен для науки прошлого века с ее терминологическим языком. Что в истории России было «реакционным» и более вредным, нежели самодовольная философия и политическая практика тогда еще юного и бесшабашного модерна, - на этот вопрос предстоит ответить новейшим исследователям⁷. Нам же необходимо продумать культурную и – шире – гуманитарную ориентированность мировоззрения Победоносцева, чтобы увидеть и понять ценностный смысл его деятельности. Но сначала кратко скажем о его личности, биографии и творчестве – как научном, так и политическом.

2. *Биографические сведения. Личность и деятельность. Сочинения.* Константин Петрович Победоносцев родился в 1827 году, его отец - профессор словесности Московского университета. Интерес к филологии, переводческой деятельности, к научному и литературно-художественному, в частности, поэтическому, творчеству формировался у юноши в атмосфере православной церковности. Дед Константина был священником Звенигородского уезда. Именно твердый и крепкий быт московского клира оставил глубокий след в душе мальчика и во многом определил его дальнейший жизненный путь. Любопытно и досадно, что о детских и юношеских годах Победоносцева какие-либо сведения отсутствуют. Настроившийся на сентиментальный лад исследователь может сказать, что у нашего героя «в детстве не было детства». Или что-то вроде: «Соловьем залетным юность пролетела...» и т. п. Возможно, так оно и было, но мы полагаем, что для историков тут обнажается одна из проблем не только биографии, но и, вероятно, поведенческого стиля человека, не озабоченного задачей *показа себя всем другим*. Победоносцев всегда стремился *быть в деле*, не заслоняя его своей персоной. Он не считал нужным рассказывать о себе – и не рассказывал, не находя для этого ни психологических, ни творческих причин. Когда имеешь дело с его текстами, бросается в глаза одна их особенность: они очевидным образом связаны с той литературной традицией, где краткость вы-

ражения отягощена неспешной и величавой поступью церковнославянского слога. Это – тот самый стиль, который был рожден великой риторической культурой и получил свою расцветку от торжественной речевой практики православного священства. И то, и другое было приобретено Константином в детстве⁸.

Пройдя основательную учебную подготовку дома, юноша поступает в училище правоведения и оканчивает его в 1846 году; в дальнейшем его карьера складывается весьма стремительно и удачно. Служба началась в одном из департаментов Правительствующего Сената, затем – должность обер-секретаря при общих собраниях московских департаментов. С этого времени, то есть с 1853 года, начинается его литературная деятельность. Обширная профессиональная эрудиция, живая реакция на проблемы юриспруденции и актуальные вопросы дня сделали автора желательным участником умеренно-либерального журнала «Русский вестник». Московский университет приглашает молодого ученого на кафедру гражданского права, которую он занимал с 1859 по 1860 г. Однако широкая педагогическая деятельность была прервана приглашением Двора преподавать законоведение цесаревичу и великим князьям. Его влияние как наставника быстро возрастает, особенно в восьмидесятые годы, времени воцарения Александра III, находившегося под религиозно-нравственным обаянием своего воспитателя.

С 1 января 1872 г. Победоносцев становится членом Государственного совета; с 24 апреля 1880 г. – обер-прокурором Св. Синода и членом комитета министров, что в политической практике было новостью, поскольку до этого времени должность обер-прокурора приравнивалась к статусу министерской, однако отправляющий ее чиновник не являлся членом комитета министров. Так Победоносцев оказался облеченным колоссальной властью – в дополнение к тому моральному влиянию, которое было приобретено им за годы государственной службы. В октябре 1905 г. он покидает высокий пост, уходя в отставку, но сохранив за собою звание члена Государственного совета.

Находясь на вершине власти в течение четверти века, Победоносцев был видным государственным деятелем при трех императорах. Укрепление административных основ власти – одна из сторон его работы. В отечественной, да и, вероятно, в мировой истории трудно найти личность, которая, ревностно отдаваясь официальной службе, внесла бы столь ощутимый вклад в гуманитарную культуру, каким мы обязаны Победоносцеву. Его переводы с иностранных языков произведений на религиозно-нравственные темы до сих пор не утратили своей значимости. Несколько изданий выдержал его двухтомный труд «Курс гражданского права» (1868, 1873-1875 г.г.) По необходимости избегая специального анализа этого сочинения, укажем на его актуальность в системе гуманитарных параметров. Стало почти общим местом в дискуссиях о русской культуре указание на ее не-юридичность. Что же касается некоторых политических стратегий эпохи модерна, то идея права и в самом деле подвергалась редукции, что со всей определенностью было отмечено в сборнике «Вехи». Там писалось, что «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития»⁹.

Среди современников обер-прокурора, даже и симпатизирующих ему, бытовало убеждение в том, что он «явил собою в высшей степени своеобразный тип русского ученого государственного мужа, необычайно сильного своим анализом и скепсисом и слабого как творца жизни и форм этой жизни»¹⁰. Подобные характеристики не во всем справедливы, хотя бы потому, что, кроме юридического и религиозного *делания* Победоносцева, в реальности действовали деструктивные силы, переходившие в некое социально-психологическое безумие, укротить которое, как показывает опыт мировых революций и смут, не удастся даже и тогда, когда для этих целей мобилизуется энергия государственной машины, а не какой-то отдельной личности. Российское общество было охвачено процессами духовного разложения, утратой органичности в самих

формах существования. Только что цитированный автор пишет об этой трагедии так: «Священники – руководители революционного движения и ораторы на социал-демократические темы, ограбление церковных и монастырских богатств, забастовки в духовных учебных заведениях, опустение храмов Божиих <...> почти поголовная разнузданность сельского населения и пробуждение в нем зверских инстинктов, напоминавшее время пугачевщины, падение в нем примитивной нравственности и исчезновение духовно-нравственных запросов – вот <...> печальная наличность»¹¹, с которой приходилось иметь дело, в частности, Победоносцеву.

Напряженность в обществе и угроза социального взрыва – характерная черта эпохи. Правда, Россия всегда жила в атмосфере духовно-психологических метаний, от которых недалеко как *мечтания*, так и *мятежи*. Вероятно, для правящей элиты это не было новостью, напротив, события воспринимались ею именно в ключе возможной катастрофы, причем мышление государственных деятелей как-то свыклось с постоянным элементом *неуспеха* в любом иницируемом предприятии. Так сформировалась своеобразная психологическая традиция, словесно выраженная таким знатоком русской истории, как, М. Алданов, писавшим: «<...> почти у всех выдающихся государственных деятелей России, как у Ордын-Нащокина, у Петра, у Дмитрия Голицына, у Сперанского, у Валуева <...> у Витте, как у наиболее умных политических деятелей последнего времени, - всегда было смутное сознание, что все равно все *пойдет к черту*»¹². Был ли Победоносцев во власти этой необъяснимой уверенности в крахе? И да, и нет. Да – потому что был умен, дальновиден и проницателен. Нет – потому что не опускал рук и деятельно сопротивлялся натиску разрушительных сил. Политический модерн, заряженный нигилизмом, этих жестов видеть не хотел, а если и видел, толковал их превратно. Что говорить о посредственных участниках борьбы и заурядной публицистике, если совестливый А. Блок возжелал расслышать в российском чадном хаосе «музыку революции» и, кажется, расслышал ее, создав поэму «Двенадцать». Правдивая жуть, не понятая им самим. Он же в «Возмездии» начертал:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла <...>¹³

Характерно, как в данном случае язык, точнее, Логос не подчиняется воле поэта, забывающего об истинном смысле высказываемого. Если художник хотел воссоздать картину жизненной катастрофы страны и образ ее диктатора, то ему, вероятно, нужно было бы прибегнуть к иной мифологической или сказочной топике: он ведь (еще и как филолог) хорошо знал, что сова издревле «считалась символом углубленного познания и мудрости»¹⁴. По этой причине упомянутые в тексте «крыла» означают прямо противоположное тому, что намеревался выразить Блок. В данном очерке, далеком от монографического жанра, мы не даем пространственных характеристик политических и иных воззрений Победоносцева, но лишь выделяем их доминирующие черты. Одна из них выступает как, несомненно, исходная и главная, именно та, что связана с методологической стратегией русского «органицизма» - широкого пласта культуры со всеми его художественными и научными ресурсами¹⁵. Взгляд на мир как на живой, естественно развивающийся организм, не терпящий никакого вмешательства в его строй и эволюцию – вот то существенное, что надо знать, приступая к изучению творческого наследия Победоносцева.

Среди интеллектуальной продукции ученого 1880-1890 гг. выделяется знаменитый «Московский сборник», где изложено политическое *profession de foi* нашего героя. Оно – своеобразный итог «органической» культуры и хорошо иллюстрирует пафос мысли Победоносцева с его уважением к традиции и, как любил выражаться Ап. Григорьев, «отсадочным» формам. Мы приведем фрагмент из стихотворения «тайного правителя», названного им «Старые листья»:

Не с тем пришла весна, чтоб гневно разорять
Веков минувших плод и дело в мире новом;
Великого удел – творить и исполнять:

Кто разоряет – мал во царствии Христовом.

Не быть творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух создал старое: лишь в *старом* он найдет
Основу твердую для *нового* творенья.

Век будут истинны – пророки и закон,
В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь то должно открыться,
В чем был издревле смысл глубокий заключен (с.4)

Победоносцев знал цену преобразованиям: он высоко ставил повседневно и настойчиво проводимые улучшения и отвергал самоудовлетворенные, часто безрассудные, проекты модернистских реформаторов, считая последних некомпетентными и политически близорукими. У него была своя правда, но, к сожалению, история исчерпала его время. Ныне мы видим эту правду, дошедшую до нас сквозь огонь и дым мировых пожаров, от которых Россия претерпела такую боль и катастрофу, которая неведома ни одной стране мира.

3. *Ключевые имена и смыслы.* Модернизм, захвативший в сферу влияния политическую жизнь, направил усилия на так называемое «обновление» духовной атмосферы общества. Однако главным тут было не то, о чем говорилось, а то, что получалось. Ставший уже традиционным русский нигилизм¹⁶ нашел для себя почву и поле деятельности, что облегчалось самим «воздухом» эпохи, замешанном на этическом плюрализме. Это означало возможность *переступить* и оказаться в *преступлении*, на которое смотрели как на *подвиг*. Если в классической культуре был культ *деяния* с божественным его благословением, то эпоха модерна принесла мглистую философию *воздаяния*, творимого «борцами за свободу». Удар был направлен против Царя и его государства, Монархии, а также Церкви, под сенью которой она жила тысячелетие. Пожалуй, Церковь в

первую очередь виделась в качестве нравственной виновницы всех бед. «Тайный правитель» это понимал и знал, что ответить, но, как и всегда, диалог – не для бестий. Тем не менее, историк должен знать защитные ресурсы разума, выраженные Победоносцевым в главном для него ряду слов. Одним из первых здесь предстает имя:

а). *Вера*. В 1911 году С. Н. Булгаков, анализирувавший культурное состояние России, указал на его особенность, во многом предрешившую последующее развитие страны. Он писал: «<...> философско-религиозное credo русской интеллигенции, объединяющее большинство ее молодых и старых представителей без различия политических оттенков, именно ее атеистический нигилизм я признаю одним из важнейших факторов русской истории и одной из основных причин, определивших течение событий последних лет в России»¹⁷. Обольщаясь эффективностью формационного подхода к развитию общества, исследователи забывали о важности ноосферного аспекта жизни, с которого, собственно, она и начинается как духовный и исторический феномен. Так было и с нашей Родиной. «С крещения Руси, - указывал мыслитель, - началась история России <...> с раскрещиванием начинается совсем новая эпоха истории»¹⁸. Кажется, мы еще не осознали, что эпохи и даже *зоны* зачинаются не экономическими, а духовно-ноологическими причинами. Во всяком случае, уж то, что подрыв устоев веры грозит сокрушить Россию, Победоносцеву было ясно. Поэтому-то он не уставал повторять, что «религия – главная связь человеческого общества» (с.414). Круг суждений, обрамляющий эту мысль, достаточно широк, чтобы посвятить им специальное исследование, но мы, по необходимости, ограничены в таких возможностях и потому прибегнем к краткому их изложению, предварительно сформулировав замечание, может быть, имеющее значение при восприятии *написанного* Победоносцевым. Выше было отмечено, что его стиль вбирает в себя риторическую и церковную традиции. Теперь же мы укажем, что следствием этого было то, что его дискурс приобретал качества *внеличностно* оформленной речи. В эпоху индивидуализированных стилей и установок на *самовыражение*, будь это в художественном творчестве, публи-

цистике или в науке, такой стиль казался устаревшим и даже архаическим; его воздействие на читающую публику по своей эффективности уступало речевым формам публицистики и фельетона. Поэтому можно было услышать в адрес писателя «колкости» насчет «догматизма» мышления и стиля. Энергия же речи Победоносцева заключалась в том, что она не отвлекалась на новоизобретенные методы украшения стиля, а выражала проблему во всей ее высокой важности и глубине. «Вера» и есть одна из таких проблем. В свое время мы сочли нужным указать на принципиальное убеждение известного мыслителя Серебряного века в долженствующей *человечности* политики и в том, что даже и в ней *есть* любовь¹⁹. Сказанное совсем не означает какого-то недопонимания или синкретической неразвитости ума политика (речь шла о С. Н. Булгакове), который якобы был не способен увидеть сложную общественную структуру и – нередко – ее разнонаправленные энергии. Напротив, все это им хорошо виделось и осознавалось. Также было и с Победоносцевым. Поэтому он и писал, что «два имеются меча в христианском мире: меч духовный и меч гражданской власти, и обоим есть место и назначение в деле утверждения религии» (с.417). Одно только непозволительно: «распространять религию войною или насилловать совесть кровавыми преследованиями» (там же). В этом контексте у Победоносцева фигурирует опять-таки любезная его уму и сердцу идея *права*, без которого немислимо решение ни одного сколько-нибудь насущного вопроса государственной жизни²⁰. Религиозной правдивостью и чистотой должна быть окружена политическая жизнь, где не место личным, тем более корыстным, интересам. Человек, участвующий в истории Отечества, должен помнить слова ап. Иакова: «Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак.,1, 20). Так возникает чувство ответственности – за свое личное поведение, за свое дело (делание), на чем и строится понимание долга – не абстрактное и искусственное, а живое и глубоко нравственное.

Когда пишут о некоей душевной холодности Победоносцева и равнодушии к человеческой личности, то, кажется, впадают в крайность. В его текстах, и вправду, не найдешь сентиментальных тирад, к которым склонна политизи-

рованная интеллигенция, но вот о том, что внутренний мир человека – напряжен и сложен, противоречив и непонятен, порою даже и самой личности, часто подверженной гордыне и унынию, - об этом у автора юридических и церковных сочинений можно читать нередко. Потому, говорит Победоносцев, и некуда убежать человеку от веры: «он сам от себя убежать не может» (с. 438). Зная драматизм существования человека вообще, мыслитель пишет, что тот стоит «на пороге чего-то неведомого и вечного, имея, по выражению Гете, внизу, под собою, *могилы*, а вверху, над *собою*, *звезды* свода небесного» (с. 438). Сказанное – очень близко к суждениям Канта. Неудивительно, что следующий ряд проблем выражен у «тайного правителя» в таких именах, как

б). *Свобода совести и терпимость*. Суждения Победоносцева, каких бы проблем они ни касались, нельзя воспринимать в отрыве от ядра его мировоззрения, то есть того сферического, объемного начала, из которого источаются и куда, наконец, возвращаются все его мыслительные начинания. Выдвинув *веру* в качестве исходного пункта своего видения, чувствования и осмысления мира, он все стороны последнего рассматривает в свете или их связности, или разрывности с этим источниковым понятием. Свой анализ Победоносцев стремится развернуть как можно яснее и методологически корректнее, чтобы его итоги согласовывались с бесспорными фактами истории. На начальном этапе размышлений важно проверить, соответствует ли та или иная категория, понятие истинному содержанию, то есть такому, которое было бы освобождено от субъективности. С этой точки зрения, по наблюдениям мыслителя, рассуждающие о свободе совести сводят ее к *убеждению*, «остановившемуся» на известной *идее*, создающей некие *представления*, из которых вырабатывается определенное *учение*, со временем превращающееся в *систему*. Беда в том, что подобные системы формируются вне вероучений, «огражденных крепкими стенами, кои созданы вековым трудом многих поколений» (с. 418). Поэтому в них, в этих системах, много субъективно-сорного, невежественного и суеверного. В эпохи смутные или переходные для всякого рода фантазмагорий, язычества и обожотворения плоти находится богатая почва. Победоносцев пишет: «Никогда не

было такого размножения сект всякого рода, как в наше время господствующей повсюду цивилизации <...> Как будто проснулась в массах потребность мистического стремления к какой-то новой вере, по мере того, как ослабели в обществе вековые верования и предания минувших поколений» (там же).

Современное прочтение текстов Победоносцева показывает, что свобода совести как моральная основа личности должна базироваться не на «нервной силе воображения» и не на некоем массовом гипнозе, а на формах веры с историческим опытом ее переживаний. В таком ходе мысли мы усматриваем стремление Победоносцева опереться на то, что ныне именуется *культурным геномом* с архетипностью его топики, интеллектуальных, сенсорных и даже жесточайших реакций. Мы нащупали, таким образом, тот пункт, где рельефно проявляется расхождение «реакционера» Победоносцева с «плюралистами» политического, а также культурного модерна. Надо ли говорить о том, что уязвимость «органического» историзма лежит на поверхности, равно как очевидны и ценностные моменты многих его позиций. Ясно, например, что в эпоху индустриальных обществ наблюдается эрозия некоторых, в том числе и религиозных, форм сознания; понятно также, что умирание культурных традиций сулит, если, как сокрушался О. Шпенглер, не закат культуры, то возможное ослабление ее творческих потенций и регулятивных функций. С другой стороны, эсхатологические настроения культурологов, хотя и не лишены оснований, все же могут быть смягчены пониманием того, что ментальные формы исторически меняют свой «цвет» и морфологию: классика строилась на принципе гомогенности всех уровней социума, исходя из идеи сквозного изоморфизма – от общества и его устройства до структуры продуктов художественного, философского, научного и даже обывательского сознания. В XX веке – и это стало аксиомой политологических и проективно-прогностических штудий – усиливается и возрастает влияние ноосферного фактора, а культура, в целом, перемещается в пространство гетерогенно сформированного бытия и «ризомной» модели развития. Вот тут-то мы и сталкиваемся с непревосхищаемой актуальностью суждений Победоносцева, который связывает свободу совести не столько с инди-

видуально-репрезентативной реализацией личности, сколько с тем, что она обязана, дабы быть подлинно свободной, «уважать свободу другого человека» (с. 424). Конечно же, это – азы философии диалога, которой пытался жить XX век, так и не достигнув желаемой цели. В контексте отмеченной нами нарастающей гетерогенности культуры диалогизм приобретает значимость универсального принципа, о чем писали не только М. М. Бахтин и М. Бубер, но и такой «монстр» консерватизма, как Победоносцев. У него же находим такие словесные символы, как *свое и чужое*. Они, эти символы, всего лишь симптомы диалогической теории, но все же отметить факт их существования необходимо.

Речь идет об атмосфере общественной, социальной жизни со всеми ее противоречиями, дебатами, полемикой и даже распрями. Тут мы видим, как кипят страсти, и людям кажется, что они выражают свои убеждения, забыв об их источнике, каковым являются *партии*. Заявляемое человеком, таким образом, оказывается не его взглядом, точкой зрения, а всего лишь «отзвуком и повторением чужого слова, чужого негодования и чужого задора» (там же). Обрисованная ситуация типична не только для России, но и, начиная с античности, для стран Европы и всех иных, имеющих развитую общественную жизнь. Есть ли выход из тупика этого отчуждения, не замечаемого участниками, например, политической борьбы? Победоносцев отвечает на данный вопрос просто и мудро. Он пишет: «Когда говорят о свободе, думают лишь о *праве* и забывают, что со свободой нераздельна и великая *ответственность*. Если разделить эти оба понятия – чему способствует в наше время широкое развитие индивидуальности, - невольно приходит на мысль, как воспитать в людях способность уравновесить тяготу и разрешить задачу свободы совести» (там же).

Столь же объемно Победоносцев размышляет и пишет о терпимости, на пути которой много препятствий. Они настолько тесно увязаны друг с другом, что их трудно разделить. В человеке заложено «желание настоять на своем, доставить победу своему, потому что оно *свое* (с. 425). В действительности же этот «ген» трансформируется в определенный «вид ревности о благе общественном, об истине, об охране начал» и т. п. (там же). Современная демокра-

тия, поощряющая возникновение множества партий и мнений, провоцирует, таким образом, чувство нетерпимости. Но где же искать противоположность ожесточенности? Совершенно очевидно, что ответ Победоносцева на этот вопрос не может удовлетворить интеллектуала эпохи индустриального и, тем более, постиндустриального общества, где терпимость – предмет *юридической* компетенции, а не общих рассуждений о природе человека и его душевных качествах. Законник и правовед Победоносцев скептически относится к эффективности возможных установлений на этот счет. Он апеллирует к той самой природе человека, о которой мы только что упоминали. Как раз в ней-то он и видит источник благополучия в отношениях между людьми. А «причина та, – пишет он, – что *терпимость* в характере каждого человека есть и *добродетель*, и свойство, неразделенное с нравственною культурою» (с. 426). Поэтому неколебимой основой морали должны быть апостольские слова: «Кротость ваша разумна да будет всем человекам» (Флп., VI, 5). Не мешало бы и помнить Аристотеля, наставлявшего «искать решения и умирения на словах, если можно избежать действия». «Вот на чем, – говорит Победоносцев, – может и должна быть основана *терпимость*» (там же). Мы не усматриваем в этой позиции симпатий в сторону пресловутой антиюридичности русской культуры. Напротив, мы видим здесь желание автора привести законы в соответствие с природой, натурой человека. Бесспорно, цель эта – почти из области грез, поскольку до терпимости как добродетели человеческое общество, полагал Победоносцев, не доросло «и едва ли дорастет когда-нибудь», особенно, подчеркивал он, «расколотое на множество мнений и партий» (там же). Однако идеалы на то и существуют, чтобы быть недостижимыми... и потому манящими к себе. В этой их прельщающей силе таится надежда как источник светлых упований, без которых непредставима человеческая жизнь.

в). *Демократия* также входит в систему ключевых слов, составляющих экзистенциальную философию Победоносцева. Однако его размышления на эту тему выстроены в духе устойчивого скепсиса, питающегося опытом наблюдений над политической историей Европы. В трудах правоведа мы находим не

столько стремление осмыслить демократию, сколько рефлексию над теми ее слабостями, которыми она изобиловала в конце XVIII и в XIX столетиях. И тут аналитик попадает в цель без промаха. В современной публицистике мы видим, как с горячечным пафосом обсуждаются аспекты проблемы, которые остро беспокоили Победоносцева. Надо понять и то, что в эпоху модерна пропагандировалась весьма грубая модель демократии, взращенная пылким воображением романтических ниспровергателей всего и вся. Своеобразная политическая базаровщина...

В ответ на это – напряженная чуткость и отчаяние таких персонажей истории, как Лев Тихомиров, Иоанн Кронштадский, Павел Флоренский, Константин Победоносцев²¹. В «Вопросах жизни», написанных в жанре теоретического обзора, указывается на то, что представители демократии, рядясь в тогу пророков блага и прогресса, выставляют себя защитниками народных идеалов, которые, к сожалению, оказываются не чем иным, как *партийным интересом*. Демократия добивается «уравнения всего и всех простым способом общего правила и общей меры» (с. 432). Однако на этом пути она встречается с препятствием, именно, с народным преданием и верой; поэтому «само существование церкви – смущение и доука для демократии» (с. 433).

Маневры «плюралистов» были направлены на десакрализацию жизни и культуры с желанием развести совесть и веру, а любовь и жалость заместить альтруизмом и филантропией (см.: там же).

В ранее опубликованных работах мы писали о том, что русский монархизм есть синтетический миф в сложной его составности, где религия выступает в качестве опорного элемента социальных, государственных и ментальных структур²². Замечательно, что в один ряд с религией как духовным компонентом и скрепой в единстве нации Победоносцев ставит не что иное, как... науку. «<...> чистая наука, – пишет он, – воспитывает дух благоразумия и охранения, а не дух революции и анархии.» (с. 436).²³ При условии, что религия и наука будут идти рука об руку, рядом, возможно предотвратить безумство социальных и исторических катастроф, потому что «тогда нельзя будет и поверить всем

шарлатанам, предлагающим решительные и простые универсальные лекарства от зла» (там же).

Называйте этот «проект» как угодно: нереальным, утопическим или еще каким-нибудь уничижительным эпитетом, но в любом случае он не относится к числу «реакционных», «вздорных» и т. п. Мысль Победоносцева – жизнотворна, реалистична, хотя и оказалась не способной к «вживлению» в парадоксальную (меональную) логику истории. Потому и говорят о последней как драме. Люди же, втянутые в ее сюжет, часто воспринимаются нами как трагические фигуры.

г). *Культура*. Понятие культуры возвращено у Победоносцева почвой столь любимой им античности и тех идей, которые привносились в атмосферу эпохи бурно развивавшимися психологией и философией. Но тут у него мы видим как притяжение, так и отталкивание от интеллектуального контекста времени. Напомним, что речь идет об эпохе Серебряного века, когда античное наследие, дотоле бывшее системообразующим элементом русской культуры, именно в этот период приобретает «существенный смысл» в общественно-историческом сознании интеллигенции.²⁴ Что же касается психологического компонента, то по своей важности он перерастает себя, превращаясь в типологическую доминанту культуры. Теперь она, культура, строится «на знании человеческой субъективности и индивидуальности, неповторимости этой индивидуальности и непрерывного движения чувства в каждый миг человеческого существования <...>»²⁵ Таким образом, подводит итог исследователь, «возникли новые основания <...> человеческой культуры»²⁶. Эта характеристика, оставаясь содержательно глубокой и тонкой, должна быть по необходимости уточнена – той стихией романтизма, от которой неотъемлема жажда предельности, в первую очередь, в области человеческого духа, стремящегося все объять, познать и опробовать, усомниться и утвердить, восставить и отвергнуть. Поэтому в психологическом состоянии и личности, и общества было много аффективного, то есть того, что отягощает и даже низводит до нуля чувство гармонии, душевного покоя и равновесия. Меональные энергии, о которых автор этих строк писал во

многих работах, врываются в интимно-личную и общественную атмосферу, придавая ей оттенок иррациональности. А. Ф. Лосев, заставший это время и его психологический климат, писал, что с тех пор жизнь для него «навсегда осталась <...> драматургически-трагической проблемой»²⁷.

В научной литературе имеется необозримое множество характеристик Серебряного века – в том числе и с позиций культурно-психологических. В эпохи парадигматических взрывов и перестроек человеческий дух стремится преодолеть оковы действительности, уйти во внутренние глубины и высоты, забывая о собственной основе. Так было и в описываемое время, выразившееся в творчестве многих замечательных художников слова. Об одном из них, Андрее Белом, хорошо знавший его философ писал: «Он был существом, обменявшим корни на крылья»²⁸. Это, если угодно, упоение свободой. И оно хорошо, когда дух не забывает о своей жизнетворческой призванности. Но тогда, когда он пренебрегает этим заветом, его жизнь ввергается в непоправимую катастрофу, что так впечатляюще живописал М. Врубель в картине «Демон поверженный» (1902 г.).

Чтобы ни говорили нынешние скептики о русском политическом консерватизме, его *оберегающая* направленность имеет для России ценностную значимость. Устойчивость в развитии государственности, ее экономики, а также форм национальной культуры – круг подобных проблем неотъемлем от «почвеннической» идеологии²⁹, что хорошо понималось трезвомыслящими людьми, не утратившими ощущения своей связи с историей России. Цитированный выше философ справедливо полагал, что, «не сорвись русская жизнь со своих корней, не вскипи она на весь мир смрадными пучинами своего вдохновенного окаянства, в памяти остались бы одни райские видения. Но Русь сорвалась, вскипела, "взвихрилась". В ее злой беде много и нашей вины перед ней»³⁰.

Победоносцев пристально и чутко следил за психологическим климатом общества. Его беспокоила утрата нацией духовной стабильности, эрозия так называемых «вечных истин», что обернулось, по его мнению, анархией в области культуры. Конечно же, здесь мы можем сколько угодно возражать хранителю

традиций, но вот то, что забота о внутренней гармонии народной души заявлена им как нельзя более определенно – это не должно вызывать никакой полемики. « <...> ныне каждый человек в отдельности, – остро формулирует Победоносцев, – стремится создать для себя свою нравственность, свою религию, свое мирозерцание, создать и потом изменить сообразно с потребностью, если такая потребность существует» (с.441).

Это своеволие личности и безответственный плюрализм ее воззрений – симптом общественного неблагополучия. Заметим, что у Победоносцева речь идет не о желании видеть какую-то принуждающую силу коллективности, но лишь об отношениях социального субъекта – к *другому*, с чем мы уже успели встретиться при описании идеи *права*.

Было бы нетворческим и претенциозным актом видеть в размышлениях автора «Вопросов жизни» некое предвосхищение современных социологических теорий. И все же объективный исследователь не пройдет мимо того факта, что мысль Победоносцева в некоторых моментах пересекается с актуальными концепциями, построенными на идее *диалога*. Ученые именно этой методологической ориентации вносят заметный «вклад в теорию рефлексивности субъекта как участника политического сообщества»³¹. В глазах Победоносцева данная проблематика приобретает решающее значение при определении того, что есть культура. Принцип диалогичности при общении одного лица с другим и многими необходимо считать своеобразной константой социальной жизни. «Показателем культуры в обществе, – утверждает в упомянутом труде, – служит обращение людей между собой» (там же). Как и во многих других случаях, в данном пункте знаток мировой и отечественной юриспруденции не забывает и об античности. Общение людей, пишет он, «основано на сознании истинной свободы, в чем проявляется уважение к личности всякого человека, внимание к каждому, с кем вступают в отношение. Это свойство у древних называлось общим именем "reverentia" » (там же).

Апелляция Победоносцева к «древним» хорошо согласовывалась с «органическим» пониманием как государства («живой организм»!), так и общества.

Поэтому есть соблазн трактовать его концепцию *человека*, не вынося ее за пределы «первозданной» каузальности, в соответствии с которой внутренний мир личности всецело определяется социальной (в нижнем пределе – экономической) средой. При такой логике акцентное значение имеет соматичность человека, а сам он воспринимается как живое тело или статуя, скульптура, дивным образом являющаяся сколком породивших его обстоятельств. Эстетика и литературоведение, в свое время, отдали дань этой философии. Однако, в первую очередь, ее носителем было само искусство, развивавшее идеологию так называемого «скульптурного мифа», от обаяния которого и донныне не освободилось (но возможно и нужно ли это?) художественное творчество³². Заметим, что «органицизм» мышления – многовариантен и вовсе не предполагает какой-то одной методологической стратегии. Достаточно сказать, что теоретическая мысль, например, К. Леонтьева и Н. Страхова преодолела, правда, не без грусти, магию «скульптурного мифа». А уж Вл. Соловьев, не забывая об «органике» мира, был совершенно свободен от каких-либо методологических пут и развивал идею всеединства, погружая человека в ноологическую беспредельность Божественной Софии.

Изучение произведений Победоносцева показывает, что главным символом культуры у него выступает не какой-то материальный объект, вроде пирамид или дворцов, равно как и не знак технических достижений и внешнего могущества, но – человек в его логосной, то есть мыслительной и коммуникативной специфике. Иначе и принципиально говоря – человек диалогический...

Обращение Победоносцева к наследию античности носит вполне «прагматический» характер, то есть соотносится с его собственными представлениями об актуальности тех или иных учений Эллады и Рима. Так, например, он полагал, что от Сократа следовало бы взять и освоить то, что учитель Платона называл повивальным искусством – умение помогать людям «разрешаться идеями, износить их "из себя" <...> приводить своими вопросами в движение умы, возбуждать в них работу <...> » Будто бы, «не уча ничему, Сократ выводил учеников, которые сами могли всему научиться» (с.477).

Читатель легко заметит, что в текстах Победоносцева, кроме Сократа, этой знаменательной фигуры в истории индивидуализма, возникает имя бл. Августина, что также весьма показательно: ведь в его философских творениях разрабатывались и напряженно переживались проблемы становления человеческой личности – со всеми ее кризисами и переломами. Он же размышлял, и порою мучительно, над динамикой истории и ее внутренними противоречиями³³. Несомненно важным надо признать, что у бл. Августина личность получает, если так можно выразиться, высокую философскую интонированность, поскольку предстает «изоморфной Личности Творца»³⁴. Подчеркнем и то, что человек определяется автором «Исповеди» как «разумное существо, состоящее из души и тела», поэтому осознание личного существования для него самого есть «исходная очевидность» (там же).

Итак, человеческая личность, этот символ культуры, мыслится Победоносцевым вне всякой редукции ее разнообразных качеств, начиная от когнитивных способностей и кончая острым и глубоким переживанием своей причастности благодатной сущности Творца. Принципом, синтезирующим указанные качества личности, является вырастающая на этой ее основе диалогичность сознания, в понятие о которой вкладывается не только коммуникативные навыки, но и своеобразное искусство личности выстраивать стратегию собственного поведения в системе категорий «я» и «другость».

Мобилизуя философскую, литературную и историческую традицию античности, Победоносцев развивает ее в последующих размышлениях. Он выдвигает экзистенциально и нравственно актуальный тезис о том, что «показателем культуры служит утвердившееся в обычае сознание долга и ответственности» (с.440). При возрастании «массы людей, не питающих уважения ни к чему, кроме своей воли и своей прихоти» (с.441), напомнить об этом было вполне естественным жестом. У Победоносцева речь идет о связи долга и ответственности с такими свойствами человеческого характера, как сдержанность и мужеский дух (см.: там же). Это – опознавательные знаки того вечно ценного, что оставили нам древние. Не слепые метания и потворство эгоистическим стра-

стям, не оправдание инстинктов тем, что «так заведено у всех», а – сопротивление добродетельного духа, упругое *стояние на своем*... Невольно вспоминается Корнелий Тацит с его «Жизнеописанием Юлия Агриколы», где высказано убеждение в том, «что и при дурных принцепсах могут существовать выдающиеся мужи»³⁵. Подчеркнем, что при почти всеобщем интересе к античности в описываемую эпоху для Победоносцева ценность греко-римского наследия заключалась в непосредственно-целостном понимании того, что мы называем личностью. Уж если она является таковой, то ее предстояние содержит в себе необходимый элемент *величия*, достоинства и доблести, причем все эти качества могут быть широко известны многочисленным *другим* – родственникам, друзьям, соратникам и «общественности», но могут представать и вне, как сейчас сказали бы, рекламы, шумихи и т. п., довольствуясь тем, что они *есть* у человека – как личности скромной и не претендующей на нарочитый успех и громогласную славу. В последнем случае нами усматривается не только жизненная идеология времен Тацита, но и философия некоего кенозиса и непоказного благородства, на которое так щедро христианство, что было в высшей степени близко душе и разуму Победоносцева.

Историку культуры, знающему психологию возрожденческого титанизма и его обратную сторону³⁶, а также общежизненную стратегию некогда властвовавшего над умами романтизма, характерология, предложенная Победоносцевым, может показаться не только простодушной, но и утопической. И, вероятно, он будет прав: ведь Победоносцев хочет видеть человека не только доблестным, но и не подтачиваемым болезненной рефлексией. Однако главное в его размышлениях состоит в желании, чтобы личность а) сохраняла нравственную упругость, то есть духовную устойчивость и б) способность к прямой поведенческой манифестации. Мы назвали бы такую концепцию философией открытой этики; она, философия, не мирится с какой-либо деформацией морали и стиля жизни – как человека, так и общества. Задолго до возникновения теорий ролевого функционирования личности Победоносцев обратил внимание на *позирование* как характерную черту современной ему культуры. «Желание выказаться

не тем, что есть человек, желание играть роль – свойство нашего века», – писал он (с.443). Мыслитель размышляет о связи этого феномена, прежде всего, с искусством, что выглядит у него так: «В первой половине XIX столетия люди напускали на себя поэтическую возвышенность духа, какую-то сентиментальность, странную для простого народа» (там же); позднее же «поэтическое притворство вышло из моды, но желание играть роль осталось, только приняло разные другие формы, а при новых обычаях общежития явилось множество новых случаев и побуждений к притворству» (там же). Поразительно, но Победоносцев, этот мрачный и дальше собственного носа ничего не видящий «реакционер», как его изображала «демократическая и передовая» интеллигенция, зафиксировал то, с чем мы сталкиваемся повседневно. Продолжая ранее сказанное, Победоносцев пишет: «Всякого рода предприятия, ассоциации, биржевые сделки и спекуляции облегчили людям возможность представлять себя богаче, чем они есть. Всякому журналисту, газетному писателю стало возможно выставить себя мастером политической науки, а члену парламента – политическим деятелем. С помощью бесчисленных энциклопедий, справочных книг, разного рода иллюстраций всякий может блеснуть образованностью или ученостью. Искусные люди с помощью нахальства, звонких фраз успевали пробраться в верхи общества, занимать важные места в администрации, пустить о себе славу хоть и на короткое время; люди с маленьким талантом приобретали громкую известность в литературе; люди без всяких средств, без всякого достоинства, с помощью бесстыдного нахальства приобрели громадное богатство спекуляцией» (там же). Вот такая зловещая и неопровержимо-правдивая картина тотальной *театрализации* социального бытия. Подводя итог своих наблюдений, Победоносцев вынужден формулировать следующее: «Все это – ежедневные явления. Стало быть, для того, чтобы иметь успех, надобно взять на себя роль, надобно позировать, надобно стать на ходули, надобно жить сознательно в притворстве – в притворстве чувств, вести игру, в которой актер может увлечься до забвения своего притворства и сам уверовать в искренность принятого им на себя образа. И эта игра простирается на все обычаи нашего

общежития, на все формы общественной жизни, на литературу, науку и политику» (там же).

Во всем сказанном Победоносцевым нет преувеличений и сопутствующей им безответственной публицистики. Автор изображает лишь то, что уже было отражено или найдет свое продолжение в книгах философов и писателей. Мы говорим о проблеме кризисных отношений между цивилизационно-государственными и культурными формами жизни. В наше время эта тема привлекла внимание ученых-гуманитариев. В системе собственных методологических координат и с мобилизацией семиотических стратегий Ю. Лотман предпринял успешную попытку разобраться в поведении одного из литературных персонажей – Хлестакова. Исследователь указывает, что «человек, которого наблюдал Гоголь, был включен в сложную систему норм и правил <...> В этом смысле сама действительность представляла как некоторая сцена, навязывающая человеку амплу. Чем зауряднее, дюжиннее был человек, тем ближе к социальному сценарию оказывалось его личное поведение. Таким образом, – заключает Лотман, – воспроизведение жизни на сцене приобретало черты театра в театре, удвоения социальной семиотики в семиотике театральной»³⁷.

Беспристрастному исследователю ясно, что Победоносцев хорошо видел: классическая культура с ее поведенческим стилем начинает замещаться стереотипами *позирующего* и *циничного* человека. Конечно же, вряд ли у кого-либо возникнет желание абсолютизировать эти суждения, однако, правда и то, что отныне *ложная* сторона жизни обозначилась как нельзя более явственно. Вот почему для Победоносцева античный человек, прямой и благородный в своей непосредственности, есть подлинный символ культуры, не допускающий расщепления на то, что видится, и то, что противоречит этому видимому.

Выше мы отмечали, что Победоносцевым верно отмечена эрозия духовных критериев – в связи с развитием цивилизационного процесса. Добавим к этому, что по мере усиления жесткой структуризации социума и формирования функций, свойственных его частям, человек погружается в систему отчужденного поведения. Поэтому инициатива личности – рискованна. Но ведь риско-

ванна и сама история, дающая простор людям светлого таланта, равно как и бестиям, именами которых пестрят не только книги Светония, но и труды современных историков. Таким образом, чтобы не утратить *лица*, человек сам должен беречь нравственные ценности. В этом деле у него есть выбор: или ситуация *позы*, или лелеемое здоровье духа. Так культура оказывается в прямой зависимости от *качественной* личности. Чтобы разобраться в проблеме, Победоносцев обращается к теме образования.

д). *Образование*. Это остается актуальным и до сих пор. Данная проблематика, к сожалению, «слишком часто» оказывается «за пределами внимания специалистов по культуре»³⁸. У Победоносцева речь идет не только о начальной школе, но и о высшей, а также об образовании как органическом, необходимом элементе культуры. Тут у него много здравых и проницательных суждений человека, глубоко знающего дело, о котором он говорит. Замечательно и то, что эта деловитость в подходе к важным вопросам, нередко с признаками застарелой болезни, дающей знать о себе и донныне, не мешала Победоносцеву ощущать масштабность проблемы образования в ее целом, то есть в связности с духовной спецификой культуры. Ему, эрудиту и знатоку древних и новых европейских языков, не приходило и не могло придти в голову сомнение в уровне одаренности народа и его интеллектуальных сил. Говорим об этом потому, что среди современников Победоносцева, в частности, университетских либеральных профессоров, были и такие, причем, далеко не худшие специалисты, которые муссировали тезис о русской «отсталости». Так, например, П. Н. Милюков, автор широко известных «Очерков по истории русской культуры», описывая свою поездку в Америку, где он выступал перед многочисленной публикой, признавался: «Мои лекции были перегружены по содержанию и мрачны по тону: мне приходилось подчеркивать примитивность культуры и раскрывать наши слабые стороны»³⁹. Досадно, что говорилось это ученым, многие идеи которого сохраняют творческую энергию и в наше время. Победоносцев отнес бы подобные мысли к «убеждениям, возникшим на основе "партийных интересов", а не в горизонте широкого и объективного видения проблемы. Очевидно, в

этом – причина милоковской демонизации и превращения образа Победоносцева в «сухого, упрямого фанатика, получившего <...> прозвище Торквемады»⁴⁰. Но вернемся к идеям нашего героя.

По его убеждению, образование должно идти рука об руку с воспитанием, задача которого состоит в том, чтобы бродильные силы молодости, как он пишет, сосредоточить и направить таким образом, дабы юные умы обрели «способность и желание познать *себя*, почувствовать *свою* силу, *свою* природу, из себя выработать сознание долга и цель жизни» (с.442-443). Только этот путь может привести молодого человека к *овладению собою* и к обогащению ценностями национальной культуры, а не чужой и заемной, что совсем не значит, будто последнюю знать не нужно. Для Победоносцева недопустима сама мысль о племенной кичливости, однако, чтобы быть сильным, дух должен быть органично связан со *своей*, то есть национальной, культурой, иначе он утратит творческие потенции.

Кажется, сказанное – не открытие Америки. Но вот – то, мимо чего нельзя пройти: отмеченное выше позерство и некое раздвоение личности – результат там и сям, нельзя сказать иначе, нахватанных сведений, под тяжестью которых хоронится *свое*, часто не успевающее окрепнуть и проявиться с необходимой определенностью. Верхоглядство и дилетантизм – результат хаотических и безосновных знаний, что ныне, с горечью пишет Победоносцев, «служит нередко заменой воспитания, под именем *самообразования*» (с. 443). Совершенно очевидно, что в этом тексте столетней давности (1904 г.) зафиксировано и определено явление, которое, по Л. Гумилеву, можно отнести к ряду *антисистем* внутри культуры и что у А. Солженицына получило название *образованщины*.

В замечательном очерке «Ученье и учитель» (с подзаголовком «Педагогические заметки») Победоносцев изложил свои взгляды на школу, сформулировал тезисы о стратегиях, которые казались ему актуальными, Таковыми они остаются и по сию пору. Так, по крайней мере, представляется автору этих строк, имеющему за своими плечами почти полвека работы с детьми и молодежью.

Прежде всего – о позиции, с высоты которой только и возможно творческое общение с учащимися. Победоносцев настаивает на том, чтобы процесс обучения строился не на механическом заучивании материала и чтобы, далее, погрешности в счете, писании и произношении не ставились в вину детям, потому что поправки и промахи – лишь внешняя сторона их интеллектуальных усилий. Каждый учитель должен помнить, что «надо уметь смотреть внутрь, сквозь ошибки. Кто умеет, видит сквозь ошибки, к чему способен ученик, что умеет, что может дальше в нем вырасти (с. 452). Мы назвали бы это стремлением к эйдетическим глубинам детского сознания, что позволяет умному педагогу разглядеть природный дар ребенка, который можно считать основой его, ребенка, экзистенциальных перспектив.

Образованность самого Победоносцева – плод великой риторической культуры, поэтому *слово*, непременно *живое*, сопряженное с тем, что в детях «жизнь движется» (с. 451), находится у него в зоне повышенного внимания. Но то, с чего, собственно, начинается слово, именно, звук, в деле формирования педагога как профессионала выступает в качестве первого звена процесса. «Голос, – читаем в очерке, – великое дело, он может привлекать и отталкивать, и возбуждать, и притуплять или раздражать внимание» (с.447). «Учить читать, – пишется далее, – значит учить говорить, т. е. произносить слова и складывать речь сознательно» (с. 448).

Из приведенных высказываний Победоносцева ясно, что его система обучения начинается с фоноцентрических моментов общения учителя с учеником; такое общение – *живое*, мыслительно и эмоционально насыщенное. Речевая активность педагога заключается не столько в том, чтобы читать *по книге*, сколько в том, чтобы работала мысль детей, тем самым управляя их чтением. «Тогда всякое ударение тона будет правильное, на своем месте, там, где оказывается <...> *ключ* смысла целой фразы» (там же). Заметим, что и здесь Победоносцев не забывает подчеркнуть необходимость *майевтического* подхода к обучению. Надо, «чтобы ученик сам добрался до этого понимания» (там же). Стоит ли говорить о том, что сказанное имеет методологический смысл не только для пре-

подавателя-филолога, но и для всякого учительствующего, будь он гуманитарием или представителем точных наук, работающим в сельской школе или трудящимся в университете.

Победоносцев настойчиво подчеркивает «великую важность произношения и чтения» (с. 449), исходя, разумеется, не из каких-то формалистических интересов. Напротив, он видит в *выразительном чтении* признаки художественности, которая сама по себе становится «свободною школою грамматики, правописания, пунктуации и лучшим орудием для развития вкуса и в литературе, и в письменном изложении мыслей» (там же).

Как всегда, тексты Победоносцева дают повод соотнести его идеи с современным научным контекстом. В самом деле, рассуждая о вроде бы простых и всем доступных предметах, автор цитируемого трактата формулирует, подчас, такие высказывания, которые и ныне не лишены актуального содержания для той или иной науки. Не отвлекаясь от логики нашей статьи, приведем суждение, мимо которого не пройдет как историк, так и теоретик литературы. У Победоносцева читаем: «Всякое творение, истинно художественное, в области слова пишется и должно писаться помощью не мысли только и зрения, но и помощью слуха: без участия слуха не может быть в нем той гармонии слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественного» (с. 449).

Итак, голос и слух как основополагающие компоненты мыслительного и собственно эстетического творчества... Вопрос этот ныне обсуждается со всей возможной заинтересованностью, вовлекая в дискуссии и самих деятелей искусства. Для нас важно акцентировать такие моменты в педагогических соображениях Победоносцева, которые не чужды ныне тематизируемой проблематике. Более чем восемь десятилетий назад О. Мандельштам выразил это так:

Мы только с голоса пойдем,
Что там царапалось, боролось,
И черствый грифель поведем
Туда, куда укажет голос;
И чтоб ни вывела рука,

Хотя бы «жизнь» или «голубка» –
И виноградного тычка
Не стоит пред мохнатой губкой⁴¹.

Нельзя уклониться от еще одного вопроса, находящегося в пределах диалогичности общения учителей с детьми. Победоносцев обращает внимание на упущения, столь часто встречающиеся при подготовке преподавателей: будущие специалисты, занятые заботами о «высших курсах», экзаменах, об ученых диссертациях, забывают о главном – как учить детей, как усовершенствовать навыки языковой коммуникации и т. п. Автор очерка выражает уверенность в том, что «дети могли бы вовремя научить их искусству ясной, простой, одушевленной речи, понятной и сочувственной тому, к кому она обращается. Дети могли бы отучить их от привычки многословной речи, напичканной звонкими фразами, искусственными выражениями и ложным пафосом, служащим одною лишь маскою одушевления» (с. 457). Этот пассаж характерен прогностикой проблематики, волнующей исследователей феномена детства и детскости в срезе их культурной значимости. М. Мид выдвинула типологическую схему, в соответствии с которой различаются: культура *постфигуративная*, где дети учатся у своих предшественников; культура *кофигуративная* со стратегией обучения детей и взрослых у сверстников и *префигуративная*, где взрослые учатся также и у своих детей. Последний из указанных типов культуры, по словам М. Мид, «отражает время, в которое мы живем»⁴².

Очевидно, что в эпоху культурного и цивилизационного модерна, а также нового историзма как его методологического символа резкой грани между названными типами культур не существует. Однако ясно и то, что креативная и эвристическая значимость детскости неизмеримо возрастает. Победоносцев был одним из тех, кто прозорливо и с должной ясностью указал на это.

Внимательный читатель трудов Победоносцева легко заметит, что мысль об эстетизме как обязательном элементе обучения или даже – шире: школьного бытия – проявляет себя в многообразных формах. Эстетизм – в речи учителя и

учеников, в уважительном отношении ментора к своим слушателям, в готовности его *учиться* у них и т. п. Все это – свидетельство гармонии, наполненной жизненным смыслом. При этом не забыты пространство и атмосфера, в которых находятся дети. «Хорошо, когда в школе *светло* и *весело* – подлинно хорошая эта школа» (с. 461). Спрашивается: почему эта сторона педагогической жизни была постоянным предметом его внимания? Ответ тут может быть многосоставным, но, среди прочего, очевидно, что идеи Победоносцева не были оторваны от времени. Культура же эпохи изобиловала, как сейчас сказали бы, прорывными стратегиями, недаром Серебряный век некоторыми учеными воспринимается как параллель исторически известному европейскому Возрождению.⁴³ Но что типологически отличает ренессансное время от других эпох? А. Ф. Лосев пишет, что для Возрождения специфично трактовать бытие как «эстетическую данность, которая созерцается совершенно бескорыстно и является предметом живейшего любования»⁴⁴.

Заметим, что культура, возвращенная на «органических» основаниях, никогда не впадала в герметичный имманентизм; напротив, она стремилась удерживать в себе общежизненное содержание. Не будем отягощать наше исследование многими примерами, приведем лишь один. Уж на что русский символизм воодушевлен идеями и порывами к метафизическим высотам, но и он исповедует философию художественного *реализма*, а культура прямо называется ее создателями «стилем жизни, и в этом стиле она есть творчество самой жизни»⁴⁵. Как и в европейских XV-XVI веках, в России XX столетия основополагающей чертой культуры является принцип тотального эстетизма, а его трансцендентность мыслится в качестве творческого задания и мечты. А. Белый с ощутимой дозой разочарования писал: «Еще мы не созрели до умения пронизать нашу науку "стилем" высокой художественности: мы или фантазеры или инженеры жизни, а не демиурги творческой действительности; к чистой культуре мы еще только подходим; она еще в процессе становления; и оттого-то не определима она в технических понятиях современной науки, разлагающей организм в ряды механизмов; между тем культура организует, связывает, восста-

навливает, интегрирует <...>»⁴⁶. У Победоносцева наличие эстетизма видится как норма, проникающая, можно сказать, во все уголки жизни. «Где есть только возможность, – призывает он, – украшайте вашу школу, изгоняйте из нее грязь и пыль и мрачные, наводящие тоску, цвета. Пусть она будет любимым местом общежития, – если оно темно, школа осветит его, если оскудело духовным интересом, школа привьет к нему мысль и чувство, если загрубело и зачерствело, школадохнет на него любовью» (с. 461). Так что мы с полным правом можем сказать, что, по Победоносцеву, единство обучения и воспитания осуществляется в системе эстетического и жизнотворческого подходов к этому разделу педагогики. И тут у него оговорены приоритеты, одним из которых выступает «словесное искусство и знание» (с.482). Победоносцев любит заострять внимание на драматичности тех или иных культурных ситуаций. Вероятно, поэтому его труды необходимо читать и в наше время, во многом напоминающее ту, уже далекую от нас, эпоху. Мы имеем в виду, в частности, положение национального языка в цивилизационном и научном контексте современности. Победоносцев отмечает, что с бурным («непомерным») развитием наук в литературную речь вошло множество новых понятий, слов и терминов, повторяемых без точного знания их семантики. «И так выходит, – продолжает он, – что драгоценнейшее достояние духа – родное слово утрачивает свое духовное значение, – и сила, и красота его расплывается в бессмыслии бестолковых толков и беспорядочных писаний; и вместо искусства писать на родном языке (вместо того, что повсюду в культурной среде образует *стиль*) распространяется легкое и всякому некультурному уму доступное искусство орудовать фразою. Образуются дурные привычки легкого писания, коими заражаются и учителя и через них школа» (с.482-483). Знакома картина, не правда ли?

Где же путь к подлинно творческому и реалистическому решению проблемы? Конечно же, не в пуризме и не в лексической аскетике знаменитых «шишковистов». Возвращение родного языка в условия его нормального, устойчивого существования сопряжено с восстановлением связей с античной культурой. «Древние языки (ныне изгоняемые из школы), – по мнению Побе-

доносцева, – могли бы оказать в этом отношении неоценимую услугу; они и [оказывали] ее в прежнее время, когда школьное преподавание было в руках искусных учителей-знатоков и *древнего и родного языка*» (с.483). На этом соображении необходимо задержаться.

Какие бы изменения ни претерпевала система образования, приведенные тезисы Победоносцева остаются в силе. Скажем больше: их значимость возрастает. Мы полагаем, что при всех достоинствах нашего среднего и высшего образования эпохи коммунизма оно, и это очевидно, во многом проиграло, и самым слабым его звеном была языковая необразованность учителей и их выпускников. Знание родного и иностранных языков было вызовом времени, что стало особенно ясным сейчас, при резко и качественно изменившейся социокультурной ситуации.

Конечно же, Победоносцев говорит не о внешней стороне образованности. Он размышляет о связи обучения с развитием мышления обучающихся, совершенствовании самого стиля их речи, подчеркивая энтелехийную функцию иностранных языков для русской культуры вообще⁴⁷. Овладение эллинской и латинской речью в высшей степени полезно. Эти языки, считающиеся мертвыми, «способны оживлять юным духом склад новой живой речи» (там же). И здесь не может быть никакой механичности, все строится на *живом* говорении как плодотворном методе изучения любых языков. Итогом же подобных занятий будет достижение высокого уровня мышления и умения оформлять мыслимое содержание. Победоносцев пишет: «Известно, что обучение новым живым языкам совершается успешно не посредством грамматики, а живую речью, то есть <...> подражанием и памятью, а память, накопляя лишь материал, бессильна еще осмыслить его. Напротив того, классическая речь древнего языка побуждает ученика вдумываться в каждое слово и в конструкцию каждой фразы, с каждым шагом все сознательнее, и учиться на своем языке искать точное выражение понятий и искусства составлять речи ясно, сильно и красиво. Само собою разумеется, что когда учитель орудует механически одною памятью, и изучение древних языков становится бесплодно» (там же)⁴⁸.

Размышления Победоносцева о языке включают в себя и его убеждение в том, что для русского человека, сколько-нибудь компетентного в «словесной науке», эффективным инструментом («орудием») является «наш церковнославянский язык – великое сокровище нашего духа, драгоценнейший источник и вдохновитель нашей народной речи» (с.483-484). Лучше не скажешь! Этот язык воспринимается Победоносцевым с позиций и когнитивной, и эстетической. В очерке отмечается: «Сила его, выразительность, глубина мысли, в нем отражающейся, гармония его созвучий и построение этой речи создают красоту его неподражаемую»(с. 484).

В сегодняшней жизни нашего общества горячо обсуждаются многие вопросы культуры и ее, если так можно выразиться, качественного устройства. Среди прочих – вопрос о церкви и религиозной службе, ведущейся на церковнославянском языке. Раздаются голоса в пользу перевода ее на современный русский. Дискуссия не завершена, но очевидно, что она вызвана утратой национальной памятью таких элементов сознания, которые указывают на сакральные глубины духовной истории.⁴⁹ Победоносцев напоминал, что на церковнославянском языке «творцы его, воспитанные на красоте и силе эллинской речи, дали нам книги Священного Писания» (там же). И это нужно не только знать, но само-то знание необходимо вводить в моральный стиль чувствования и поведения. Говоря иными словами, надо «учить живой вере» (с. 470). Мало рассказать детям о Господе Иисусе, нужно, чтобы «слова Его и речи должны перейти в их жизнь и в их природу, чтобы они поняли и ощутили, что значит <...> быть христианином» и «хранить правду в душе <...> то есть хранить чистоту свою перед Богом» (там же). Сам себя осознающий дух – вот о чем написал Победоносцев как об основе учения и воспитания. И его ссылки на античность никак не ослабляют, а, напротив, усиливают христианские мотивы в составе педагогических воззрений. И как современны многие суждения Победоносцева, например, следующее: «Вспомним древнее наставление: *познай самого себя*[!] ". В применении к жизни это значит: познай среду свою, в которой надобно тебе жить и действовать, познай *страну* свою, познай *природу* свою,

народ свой с *душою* его и бытом, и нуждами, и потребностями. Вот что все мы должны были бы знать и чего большей частью не знаем. Но какое благо было бы для нас и для всего общества, когда мы постарались познать все это – хотя бы на том месте, в том краю, в том углу края, где судьба нас поставила» (с. 489). Надо ли специально оговаривать, что Победоносцев пишет о духовном и материальном укладе национального бытия, о чем в современной системе образования, кажется, давно забыто. Поразительно, но ныне мы имеем дело с давней болезнью: взамен обрисованной шкалы приоритетов культивируется идеология «общечеловеческих ценностей» с упором на ее безрелигиозность и вне-национальность. Сторонники этой своеобразной теории – или политиканы, или простаки, полагающие, что культура вырастает не на исторически определенной почве, а в некоем абстрактном пространстве. Сейчас важно говорить не о стерилизованных «ценностях» и схоластически трактуемых критериях этики. Речь должна идти о комплиментарности культур, их повседневном и темпорально-перспективном диалоге – без утраты каждой из них собственного мифа и форм его выражения.

е) *Университет. Учитель*. В объемной мировоззренческой системе Победоносцева, которую мы пытаемся реконструировать путем выделения ключевых имен, эти два слова также обладают репрезентирующей функцией. Находясь на вершине государственной пирамиды, мыслитель прекрасно понимал значимость науки в устройении жизни, однако он был начисто лишен односторонне-утилитарного подхода к делу. «Если университет, – убежденно полагал Победоносцев, – имеет целью только приготовление людей к тому или другому роду общественной или государственной деятельности, он лишен существенного значения – быть домом чистой науки, лабораторией научного исследования, собирать людей к представителям науки ради науки» (с. 487). Стратегия Победоносцева заключалась в том, чтобы принципы научного разума вознести на высоту главного критерия при оценке того, что происходит в жизни страны. «Университет в истинном своем значении, – писал он, – должен служить обще-

ству высшим авторитетом для анализа, испытания и проверки всех идей, возникающих в обществе» (там же).

В распространенном представлении, впрочем, ни на чем, кроме предубеждения, не основанном, Победоносцев – это какой-то бездушный формалист, только и думающий о том, чтобы изгнать *живое* из всякого дела. Но мы уже не раз убеждались в обратном: о чем бы ни говорил и ни писал наш герой, он прежде всего имел в виду жизненный смысл затеваемого дела. На его языке это получило название «правды для жизни» (с. 489) с выдвижением в качестве главенствующего духовного элемента. Размышляя об университете, он поступает таким же образом, видя «правильное устройство» и гарантию успеха в зависимости « 1) от взаимной духовной связи научного интереса между профессорами <...>; 2) от духовной связи профессора со студентом, в силу которой последний воспринимает от первого интерес к месту научного исследования; 3) от взаимной связи между студентами в духе дружественного товарищества и взаимного вспоможения. Где нет этих трех условий, там остается одно лишь имя университета» (с. 487-488).

С каким бы уважением ни относиться к университетскому образованию, его все-таки недостаточно, чтобы войти в *жизнетворческую* практику. Нужно, чтобы человек культивировал в себе любопытство и наблюдательность; чтобы он не проходил мимо действительности, а – погружался в нее, замечая все, что происходит около и вокруг него. Только тогда «мы увидим, как <...> вычитанные нами теории – политические, экономические, социальные и пр., преломляются в среде жизни, по мере того, как мы узнаем ее, и в какой мере и в каких условиях могут они применяться к действительности» (с. 489). Отдадим должное реализму Победоносцева, никогда не обольщавшемуся отвлеченным знанием. « <...>всякая идея, по его словам, для того чтобы принести плод, должна быть *осмыслена*, осмыслена жизнью, то есть *делом* жизни;⁵⁰ иначе в соприкосновении с жизнью она только оболживит жизнь и деятельность» (с.494). В такого рода лживости Победоносцев усматривал большую угрозу, и был, несомненно, прав: знания, не отточенные жизнью, становятся опасными, когда че-

ловек – их носитель берется переиначивать, переделывать ее, «отрицать и истины веры, и вековые предания и проповедовать новые отрицательные учения, которые» знает «только по слуху и по газетам» (с. 496).

Кажется, мы привели такое множество высказываний, которое достаточно для общего представления о взглядах Победоносцева на проблемы образования. Однако есть у него и такие тексты, без которых воссозданная картина не может считаться полной. Можно создавать университеты с хорошо налаженным учебным процессом и высоким уровнем преподавания, обеспеченным блестящими профессорами, но если не будет человека, *готового быть учителем*, не будет ничего. Высокие мечты и проекты не получают претворения в жизнь. Что же за человек, о котором говорит Победоносцев? Как и следовало ожидать, это – человек долга и ответственности. И еще, о чем нельзя не сказать, это – свободный и преданный своей профессии человек. « <...> лучший учитель, – говорится у Победоносцева, – должен быть агентом семьи, а не агентом правительства, не ремесленным чиновником, от государственной власти поставленным, не искателем карьеры и отличий, но человеком, преданным делу воспитания, с любовью к своему делу, с сердечной заботой о детях и о детской душе» (с.494). Написавший эти строки призывает к тому, чтобы общество дорожило вот такими личностями – добровольными подвижниками. Победоносцев обвиняет государство и правительство в разрушении организационных форм учительства под патронажем церкви и в замене этой корпорации – искусственной, под эгидой которой создан «дрессированный полк учителей, стоящих громадных сумм и оказывающихся неспособными к своему делу, лишенными всякого к нему призвания и приводящих <...> школу в полное расстройство» (там же).

Есть в характере Победоносцева такие психологические качества, которые не поддаются описанию средствами дискурсивного языка, но что может быть по плечу лишь талантливому писателю. Мы говорим о его умении не просто воздавать должное людям самоотреченным и бескорыстно трудящимся на ниве просвещения, но – искренне ими восхищаться и даже преклоняться перед их деяниями – иначе и не скажешь. У него можно прочесть: Когда человеку,

утомленному пустотой и пошлостью городской жизни, «приходится заглянуть в <...> глухие уголки, затерянные посреди лесов и болот в снежных сугробах, и открыть там этих подвижников и подвижниц, печальников народной темноты и бедности, ищущих вывести к свету душу живую, - он готов в умилении воскликнуть: «Господи! Утаил Ты сие от премудрых и разумных и открыл младенцам!» (с. 485). Тот, кто знает нынешнюю русскую деревню и еще не успел утратить равнодушное отношение к делу, поймет растроганного, скорбящего и возвышенно любящего автора. И ныне наше сердце отзывается на то, о чем так взволнованно говорил Победоносцев, отмечавший (в который раз!), что учительский труд «есть великий подвиг души, подвиг истощающий, но и питающий души» (с. 484). Невольно обращаешь внимание и на то, что в большем числе случаев, как говорится далее, на такой подвиг «именно женская душа способна» (там же). Судя по составу современного сельского учительства, так оно и продолжается в XXI веке. Только вот атмосфера в школе – иная, без недостающего ей очарования, идущего от теплой ласки церковного благословения. Иные времена!..

Если кто-то и сейчас еще не освободился от традиционной лжи о Победоносцеве, то он, вероятно, представляет обер-прокурора похожим на образ сенатора Аплеухова из романа Андрея Белого «Петербург». И сидит-то этот обер-прокурор в своем дворцовом департаменте и ничего-то не ведает из жизни страны. Но если и найдется такой любитель истории, то он глубоко ошибается. Как раз Победоносцев-то хорошо знал и видел все, что происходит там, за пределами столичной благоустроенности и блеска роскоши. Не кто иной, как он, продолжая вышеприведенную мысль, писал: «Когда где-нибудь в глухой деревне заведется в такой школе учительница, оживает иногда целая деревня. И днем и вечером убогий домик наполнен; по вечерам вслед за детьми приходят иногда и родители слушать, как читает детям учительница, как начинают они петь под ее руководством, а если удастся ей образовать хор для убогой сельской церкви и случится добрый священник, вся церковь преобразуется, и посреди безысходной тоски и пустоты, в которую погружена зимою деревня, за-

жигается светоч молитвенного настроения, светоч духовного интереса» (с. 485). Как видно, не в отрыве от сельской школы был написавший эти строки!. И неправда, что Константин Петрович был «для народа – Бедоносцев»! Вполне справедливо умные авторы одной из современных книг называют его «радетелем народного образования!»⁵¹

Итоги. Наш краткий очерк завершим обобщением сказанного, подчеркнув мысль о том, что (1) попытки современного прочтения наследия Победоносцева могут быть плодотворными при различных подходах, но при одном неперенном условии, именно, (2) при понимании целостно-синтетического мышления политического деятеля, участвовавшего в процессе строительства (3) русской монархической государственности и ее духовно-мифологических оснований.

Рубеж XIX-XX веков – (4) эпоха встречи классической и модернистской парадигм культуры, в том числе и ее политических сегментов. Автор настоящей статьи осознает сложность этой проблемы и не склонен утешать себя односторонними суждениями о новых «веяниях», но он исходит из того, что (5) монархия и ее миф – не только достояние сгинувшего прошлого, но и (6) высочайшая ценность, имеющая в своем фундаменте (7) определенную систему концептов и предпочтений, свойственных традиционной культуре с ее многовековой историей. Судьба распорядилась так, что (8) Победоносцев оказался в эпицентре столкновений взаимовраждебных идей и социально-поведенческих стилей. В его представлении, (9) сакрализованная целостность государства была бы обречена на гибель (что и случилось) в случае победы деструктивных сил. Его непонимание базировалось (10) на идее «органической» эволюции, в соответствии с которой (11) человек и закон – неразрывны в своей моральности и единстве интересов, что высоко ставится современной юридической наукой⁵². Замечательно и то, что (12) «законность» - один из элементов ментальности нации, и всякие суждения на этот счет, а также по поводу государственного устройства и его исторических перспектив, должны быть увязаны, по мысли Победоносцева, не с субъективными представлениями, присущими политиче-

ским деятелям, а с основами культуры, укорененной в сознании многих поколений народа⁵³. Поэтому, продолжим мы, интеллигентоведческий дискурс необходимо строить не на «симпатиях/антипатиях» к тем или иным моментам истории, а (13) на ее ключевых концептах, выраженных в виде семантически густотных имен.

Всякое историческое исследование движимо стремлением его автора понять отношение того или иного политического деятеля – к эпохе. В данном случае мы должны констатировать (14) *асимметричность* таких отношений, в чем выразились не моменты случайностного характера, а (15) дисгармоничное схождение и сшибка двух культур. Одна из них, традиционная или классическая, представлена Победоносцевым и стилем его жизненного поведения. Другая – в позициях и действиях креатур политического модерна. Столкновение первого и вторых предрешило будущие катастрофы России. (16) Охранительная философия и политическая стратегия Победоносцева взывают к их изучению. Они обладают всеми признаками и мифа, и утопии, отчего не становятся чем-то иррациональным и абсурдным...

В свете вышесказанного, должно быть ясным, что мировоззрение Победоносцева как целостный миф и когнитивная система включает в себя в качестве морфологического элемента (17) концепт культуры, в основании которой залегает (18) принцип диалогичности, определяющий (19) отношения между личностью и другостью. Содержание последней весьма широко и трактуется как (20) предлежащий человеку мир с выдвиганием в нем (21) духовной специфики. Носителем ее выступает (22) человек, (23) понимаемый в модусе античной традиции и (24) обогащающего ее христианства, не исключаяющего (25) живительного бытия народных преданий. Так история личности и пространство ее обитания (26) обретают свое (27) высшее единство. Конечно, тут много гармонии, этой (28) стихии эстетизма, равно как и (29) утопии, свойственных традиционной культуре. Однако надо осознавать и то, что именно эти концепты питают некий (30) идеал, лелеемый Победоносцевым и (31) вмещающий в себя (32) моральные ценности. Поэтому понятие «человек» представлено у мысли-

теля в качестве (33) полнокровной личности, (34) исполненной чувства долга и ответственности. (35) «Доблесть» - доминирующий фермент в составе героической эпохи античности – в трудах Победоносцева находит свой трансформированный облик, превращаясь (36) в подвижничество и умное (осмысленное) делание, а человек, преданный этому (37) служению, (38) лишен всякой позы и (39) представлен в своей открытости и благородстве. В творческом наследии Победоносцева прослушивается, наряду с иными, один, очень важный мотив. Это – (40) мотив жертвенности во имя народа и Родины.⁵⁴ Учитель и есть тот образ, который с наибольшей полнотой выражает идею жертвенности, а также аскезы и умного делания. Он придает мифу Победоносцева черты почти классической (42) завершенности, акцентируя (43) мотивы православия в составе традиционной культуры со всем ее (44) интеллектуальным, (45) нравственным, (46) эстетическим и (47) деятельностным могуществом. Судьбе было угодно, чтобы на какое-то время это могущество оказалось попорченным, однако (48) и ныне оно остается живым и действенным, питая наше (49) чувство исторического оптимизма...

Примечания

¹ См., напр., работы последних лет: *Гаспаров М.* Интеллигенция и революция // *Гаспаров М.* Записи и выписки. М., 2001; *Интеллектуальная элита России на рубеже XIX – XX веков: Материалы Международн. научн. конференции.* Киров, 2001; *Интеллигенция современной России: Духовные процессы, история, традиции и идеалы Тезисы докл. XIII Международн. научно-теоретич. конференции.* Иваново, 2002.

² *Гершензон М.* История молодой России. М., 1908. С. 111.

³ *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 7.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: *Раков В. П.* Интеллигенция России в начале XX века: Культурная традиция и политические стратегии // *Россия XXI века: Творческий, духовный и нравственный потенциал интеллигенции.* Иваново, 2002; *он же.* Интеллигент и миф // *Интеллигенция современной России...*

⁶ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 127.

⁷ ... которые, конечно же, найдут нужным учесть то обстоятельство, что в политизированном сознании исследователей прошлых лет отложились лишь имена деятелей с революционным мышлением, а все остальные, в высшей степени достойные личности, оказались вычеркнутыми из духовной истории нации. Г. П. Федотов писал по этому поводу следующее: «Только беспочвенность как идеал (отрицательный) объясняет, почему из истории русской интеллигенции <...> исключены такие, по-своему тоже «идейные» (но не в рационалистическом смысле) и, во всяком случае, прогрессивные люди <...>, как Самарин, Островский, Писемский, Лесков, Забелин, Ключевский и множество других», к числу которых были отнесены также Феофан Затворник, Катков и Победоносцев. «Все они, - подчеркивал мыслитель, - слишком коренятся в русском народном быте или в исторической традиции» (*Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т.1. С.71,69*).

⁸ Проблема стиля Победоносцева находится в зачаточной стадии ее изучения, характеристика творческой манеры писателя – дело будущего. Здесь важно отметить, что автор ценных «Материалов для биографии» Победоносцева Б. Б. Глинский поставил стиль последнего в один ряд с техникой таких «виртуозов русского слова», как И. Аксаков и М. Катков (см.: *Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев: (Материалы для биографии) // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С.12*. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках). В наше время открываются перспективы не только для филологического, но и историко-культурного и политологического осмысления стиля трудов и выступлений этого государственного деятеля.

⁹ *Кистяковский Б. А. В защиту права: (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С.123*.

¹⁰ *Глинский Б. Б. Указ. Соч. С.8*.

¹¹ Там же. С.28.

¹² *Алданов М. Мыслитель. М., 2002. С.277*.

¹³ *Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т.3. С.216*.

¹⁴ *Словарь античности. М., 1989. С.534*.

¹⁵ См.: *Раков В. П. Новая «органическая» поэтика. Иваново, 2002*.

¹⁶ Современные материалы на эту тему см.: *Турген П. К проблеме нигилизма в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1993. №1; Михайлов А. В. Из истории «нигилизма» // Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000*.

¹⁷ *Булгаков С. Н. Моя Родина. Статьи. Очерки. Письма. // Новый мир. 1989. №10. С.225*.

¹⁸ Там же. С.226.

¹⁹ Речь идет о С. Н. Булгакове. См.: *Раков В. П.* Интеллигенция России в начале XX века: Культурная традиция и политические стратегии // *Россия XXI века: творческий, духовный и нравственный потенциал интеллигенции.* (Материалы круглого стола. Иваново, 25.VI.2002). С.15.

²⁰ ... в том числе и болезненного для России, как, впрочем, и для других европейских стран, – еврейского. Этот вопрос и тесно с ним связанные Победоносцев считал необходимым решать в системе «правовых мер», не отдавая преимуществ ни одной из сторон, участвующих в процессе социального строительства. Частично об этом см.: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795 – 1995). Часть I. М., 2001. С.272 – 273.

²¹ См.: *Лосев А.* «Я сослан в XX век...» М., 2002. Т. 2. С. 540.

²² См., напр.: *Раков В. П.* Об интеллигентоведческом дискурсе // *Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации.* Материалы XIV Международн. научно-теоретич. конференции 25-27. IX. 2003. Иваново, 2003. С.51.

²³ В наше время идут дискуссии об отношении научных и религиозных форм сознания друг к другу. Сам факт помещения Победоносцевым рационализованного и религиозного начал в один ряд – знаменателен. Некогда царивший в гуманитарной сфере атеизм возможность такого согласия отвергал, что называется, с порога. Однако не все ученые следовали этому пуризму. В работе «Об атеизме» А. Ф. Лосев писал: «Малое знание естественных наук отдаляет человека от Бога, большое – приближает». (Цит. по: *Тахо-Годи А.* Лосев. М., 1997. С.209). В афоризме автора сконцентрированы не только идеи философии русского символизма, но и слышится отзвук иных, в том числе и древних, когнитивных систем.

²⁴ *Кнабе Г. С.* Русская античность. М., 2000. С.212.

²⁵ *Михайлов А. В.* Из лекций // *Михайлов А. В.* Обратный перевод. М., 2000. С.698.

²⁶ Там же.

²⁷ *Лосев А. Ф.* Страсть к диалектике. М., 1990. С.16.

²⁸ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С.221.

²⁹ Из трудов последнего времени на эту тему назовем сб-к «Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003».

³⁰ *Степун Ф.* Указ. соч. С.11.

³¹ *Нильсен Г.* Обращение к субъекту: Мид и Бахтин о рефлексивности и политическом // М. М. Бахтин в контексте мировой культуры. Спецвыпуск ж-ла «Диалог. Карнавал. Хронотоп» 2003. С.95.

³² См.: *Михайлов А. В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Очерки по истории филологической науки. М., 1989. С.140.

³³ См.: *Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Самарин Р. М.* Латинская литература // История Всемирн. литературы: В 9 т. М.,1984. Т.2. С.444.

³⁴ *Столяров А. А.* Аврелий Августин: Жизнь, учение и его судьбы // *Августин Аврелий.* Исповедь. М.,1991. С.35.

³⁵ *Тацит К.* Соч.: В 2 т. Л.,1969. Т. 1. С.350.

³⁶ См.: *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.,1978.

³⁷ *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.,1988. С.294.

³⁸ *Егоров В. К.* Философия культуры России: контуры проблемы. М.,2002. С.453.

³⁹ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М.,1990. Т. 1. С.223.

⁴⁰ Там же. Т. 2. С.57. К. П. Победоносцев – одна из фобий Милюкова. При упоминании этого имени последний утрачивает присущую ему солидную сдержанность стиля, а его суждения становятся набором клишированных и общих мест, только и пригодных для страниц бульварной прессы. В дополнение к вышецитированным высказываниям приведем еще один пример, иллюстрирующий «качество» мысли Милюкова. Победоносцев для него – «реакционер», политическая деятельность которого «была сознательно направлена к тому, чтобы задержать просвещение русского народа». Он в точности выполнял «лозунг Конст. Леонтьева: "Надо Россию подморозить, чтобы она не жила", или прозябала в византийских рамках самодержавия и ритуализма» (*Милюков П. Н.* Указ. соч. Т.1. С.173).

В еще не написанной истории русской интеллигенции найдется место для пересмотра многих стереотипных и субъективных суждений, которые уже и сейчас воспринимаются критически. Укажем на прямо-таки вопиющие искажения, которые допускает, в частности, А. Белый в обрисовке характера и облика выдающегося мыслителя И. А. Ильина. Писателя, имевшего склонность усматривать в людях тератологические черты, при взгляде на философа «ужасал кривой дерг его губ и вздрог высокого, тонкого стана и бледного профиля с добела белокурой бородкой Мефистофеля <...> Ильин вычитал в книге моей, – вспоминал автор, – вернее, не вычитал, а вчитал в нее свою гадость; мне и тогда было ясно, что передо мной душевнобольной» (*Белый А.* Между двух революций. М.,1990. С.280). Стиль Белого – воплощенное торжество принципа предельности и того эгоцентризма в суждениях о *другом*, на который мы указывали в начале раздела «Культура». Говорить о достоверности изображенного в подобных текстах не приходится, если даже они и относятся к мемуарному жанру.

⁴¹ *Мандельштам О.* Грифельная ода (II) // *Мандельштам О.* Соч.: В 2 т. М.,1990. Т. 1. С.384.

⁴² *Мид М.* Культура и мир детства. М.,1988. С.322.

⁴³ «Подобная идея, – пишет автор обобщающей работы о культурном контексте эпохи, – была прекрасным увенчанием всего мифа Серебряного века» (*Хоружий С. С.* Трансформации сла-

вянофильской идеи в XX веке // *Вопр. философии.* 1994. № 11. С.55). В составе этого мифа, наряду с иными его компонентами, он выделяет идею неопатристического синтеза, которая культивировалась Г. Флоровским. Данная идея возникает в качестве согласного единения «постоянного элемента» в европейском круге культур, то есть античности, и патристики, наследии греческих Отцов Церкви, что было, по словам Хоружего, «развитием принципа Ивана Киреевского: «Сообразить с преданием св. отцов все вопросы современной образованности» (там же. С.61). Представления Победоносцева о культуре близки такой ее модели, однако в дальнейшем необходимо выяснить, как она, эта модель, сочетается с его настойчивым любопытством к преданиям, родившимся на народной почве, вот именно здесь, на родной земле, в пределах знакомой тебе округи, в осердеченной атмосфере с детства *твоего* края.

⁴⁴ *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998. С.651.

⁴⁵ *Белый Андрей.* Пути культуры // *Вопр. философии.* 1990. №11. С.91

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Суждения Победоносцева в этой их части только и могут быть поняты в контексте энтелехийности как методологической и системообразующей доминанты эпохи. Знаток проблемы Г. С. Кнабе более десятилетия назад писал, что античность как некая форма «становилась отчетливым и внутренне мотивированным выражением наступавшего Серебряного века в самой <...> интеллигентски утонченной его фазе» Здесь, по словам исследователя, наблюдается «ощутимое вхождение одной культурной сущности – традиции античности, в другую – в исторически определенный образ времени, сущностей, наглядно переживающих энтелехию – одна через другую и одна в другой» (*Кнабе Г. С.* Понятие энтелехии и история культуры // *Вопр. философии.* 1993. №5. С.73). Пренебречь сказанным невозможно. Педагогические воззрения Победоносцева, впитавшие античную традицию, составляют естественный элемент русской культуры и должны рассматриваться в ее широких духовных горизонтах.

⁴⁸ В интересах дела можно привести, в параллель суждениям Победоносцева, высказывания Анри Бергсона, посвященные классическому образованию, в том числе и древним языкам – в системе педагогических стратегий XX столетия. « <...> в классическом образовании, – писал философ, – я вижу прежде всего попытку разбивать лед слов и обнаруживать под ним свободное течение мысли. Тренируя вас, юные воспитанники, в переводе идей с одного языка на другой, оно приучит как бы кристаллизовать их в разнообразные системы <...> В предпочтении, оказываемом античности, – не только восхищение высочайшими образцами; <...> древние языки, разрезая непрерывный поток вещей по линиям, очень отличным от наших, освобождали мысль при помощи наиболее быстрых и эффективных приемов <...> Здравый

смысл, наверное, может обойтись и без философии; но если он, в прилагаемых им усилиях, прежде всего стремится к свободе, то я не вижу, где он мог бы пройти лучшую школу» (*Бергсон Анри. Здравый смысл и классическое образование // Вопр. философии. 1990. №1. С.166,167*). Любопытно и то, что развитие античной традиции Победоносцевым и Бергсоном соотносится с проблемой личности, взятой в ее моральной проекции, то есть долга и ответственности. Как это представлено в трудах русского мыслителя, мы знаем. Что же касается французского философа, то и он был убежден в том, что «классическое образование развивает ум наилучшим образом и что надлежит воспитывать таких граждан, которые сознавали бы свой долг и готовы были его исполнить; ведь общество хочет вернуть себе в мудрости то, что отдало оно в образовании» (там же. С.163).

⁴⁹ Мы затрагиваем более чем серьезную проблему, причем, не только русского, но и иных народов, в какое-то время поддавшихся *соблазну забвения* своего далекого и недавнего прошлого. Мнемоническая драма притупляет остроту духовного взора. Г. Чулков, находившийся в гуще общественно-литературной и философской жизни Серебряного века, не погрешая против правды, писал, что «ошибка наших интеллигентов заключалась в том, что они недооценили или – даже вернее – проглядели не только органический период нашей истории, т.е. почти восемь столетий, но и период критический, т.е. двухсотлетний петербургский период. Взгляды интеллигентов были прикованы к серой, угнетенной, закрепощенной, неграмотной деревне, и эта неравномерность в распределении культурных ценностей не позволяла им беспристрастно взглянуть на сокровища нашей культуры, которые были, однако, накоплены, несмотря на печальный факт вопиющей социальной несправедливости – факт, впрочем, характерный не для одной России» (*Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С.101-102*).

Если специалисты в области искусствознания считают правомерным изучение художественного творчества в таких координатах, как меон (хаос) и гармония, то историки лишь приближаются к постановке проблемы – на материале собственной науки. Разум и безумие, свет и мглистость сознания – такие же компоненты исторической жизни, как и в сфере творческой деятельности. *Стильность истории* – не только гармония, но и ее, гармонии, победа над хаосом. Однако нельзя забывать и о поражениях, которые терпит от иррациональных сил дремлющий ум. Впрочем, порождает чудовищ не только сон разума, но и его бессилие перед слепым могуществом человеческих страстей и иллюзий. Интеллект и воля Победоносцева всегда пребывали в состоянии активного бодрствования. Поэтому мыслитель зорко видел в гуще жизни и высоко ценил плодотворные ферменты и, как мог, противостоял напору мглистых стихий.

⁵⁰ «Осмысленность» и «дело» – эти слова не были для Победоносцева пустым звуком, что сейчас становится совершенно очевидным. Скрупулезные исследования историков показывают, что Константин Петрович был энтузиастом строительства и организации церковно-приходских школ, количество которых при нем возросло более чем на 20% (подробнее об этом см.: *Катунцев С.И.* Духовно-нравственные аспекты школьной политики К. П. Победоносцева. // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XV Международн. науч.-теор. конференции. Иваново, 2004.; *Донин А. Н., Катунцев С. И.* Роль М. Н. Каткова в возрождении церковно-приходской школы России. // Там же.). Огромный вклад в дело народного просвещения! Мы должны быть благодарны ученым, ведущим поиск ценных, в том числе архивных, материалов, освещающих целеустремленность и настойчивые усилия Победоносцева, направленные на укрепление начального и высшего образования. Насколько современный политизированный контекст враждебен к этой яркой фигуре и его практическому *деланию*, пишут авторы монографии в разделе «Провидец Победоносцев» (см.: *Калюжный Д., Ермилова Е.* Дело и слово: Будущее России с точки зрения теории эволюции. М., 2003. С.159-172; в связи с темой образования – см. с.163).

⁵¹ *Калюжный Д., Ермилова Е.* Указ. соч. С.163.

⁵² ...вероятно, поэтому Победоносцев входит в блестящий ряд выдающихся «законников» нашего Отечества. См., напр.: *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Самые знаменитые юристы России. М., 2003.

⁵³ Эти соображения остаются актуальными и в наше время. В статье В. В. Кожина, например, прямо говорится о проявляющихся в нынешнем политическом контексте так называемой «позиции» и *понимания*. Первая «закономерно приводит ее носителя <...> к чрезмерному раздуванию одних негативных факторов <...> к нажиму на различные *болевые точки*, в то время как для действительного понимания необходима более или менее цельная картина» (*Кожин В.* «Позиция» и понимание: (Размышления после съезда) // *Кожин В.* Судьба России: Вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 160, 161. В этой связи небезынтересны попытки некоторых ученых ввести в методологический обиход элемент, приближенный к термину «сердечное созерцание», которым пользовался в культурологических трудах философ И. А. Ильин (см., напр.: *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2 т. М., 1992. Т.1. С. 304). Современный исследователь пишет: «Исторические источники при их правильном прочтении дают нам знание. Но с одним лишь знанием в истории уплывешь не дальше геркулесовых столбов ученых степеней. Для дальнего плавания в океане минувшего необходимо сочувствие. А оно возникает по мере понимания» (*Борисов Н.* Иван III. М., 2003. С.7). Как и в другом случае (см. примечание 23), эти суждения освещены культурной памятью, в частности о платоновской теории познания, неотрывного от чувства влюбленности в его предмет.

⁵⁴ Удивительное продолжение мысль о жертве как моральной доминанте духовности находит у А. Ф. Лосева, последнего могикана Серебряного века. Вот что значит «люди одной культуры»! Мыслителю принадлежит замечательная статья «Родина» (см.: Литер. газета. 24.01.1999. №4 (5278) ., где он пишет о рождении и жизни индивидуума – на лоне целого, чем является род и Родина. Личность может проявить себя только как общая воля. «Такая жизнь индивидуума есть жертва. Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва». Порою робеешь перед глубинной правдой Лосева: человек, претерпевший столько мук и унижений в ГУЛАГе, потерявший зрение и лишившийся дома , библиотеки, рукописей, переживший смерть любимой жены, талантливого и яркого математика, тем не менее, пишет так: «Жертва <...> в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственное только и осмысливает жизнь». Не будем цитировать это произведение Лосева далее. Нам представляется, что оно должно быть известно каждому образованному человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Самарин Р. М.* Латинская литература // История Всемирной литературы: В 9 т. М., 1984. Т. 2. С.444.
2. *Алданов М.* Мыслитель. М., 2002. С.277.
3. *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С.280.
4. *Белый А.* Пути культуры // Вопр. философии. 1990. №11. С.91.
5. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.127.
6. *Бергсон Анри.* Здравый смысл и классическое образование // Вопр. философии. 1990. №1. С.166, 167.
7. *Блок А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т.3. С.216.
8. *Борисов Н.* Иван III. М., 2003. С.7.
9. *Булгаков С. Н.* Моя Родина. Статьи. Очерки. Письма. // Новый мир. 1989. №10. С.225, 226.
10. *Гаспаров М.* Интеллигенция и революция // *Гаспаров М.* Записи и выписки. М., 2001.
11. *Гершензон М.* История молодой России. М., 1908. С.111.
12. *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев: (Материалы для биографии) // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С.12.
13. *Донин А. Н., Катунцев С. И.* Роль М. Н. Каткова в возрождении церковно-приходской школы России. // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XV Международн. науч.-теор. конференции. Иваново, 2004.
14. *Егоров В. К.* Философия культуры России: контуры проблемы. М., 2002. С.453.
15. *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Самые знаменитые юристы России. М., 2003.
16. *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С.304.

-
17. Интеллектуальная элита России на рубеже XIX – XX веков: Материалы Международн. научн. конференции. Киров,2001.
- 18.Интеллигенция современной России: Духовные процессы, история, традиции и идеалы. Тезисы докл. XIII Международн. научно-теоретич. конференции. Иваново, 2002.
- 19.*Калюжный Д., Ермилова Е.* Дело и слово: Будущее России с точки зрения теории эволюции. М.,2003. С.159-172.
- 20.*Катунцев С. И.* Духовно-нравственные аспекты школьной политики К. П. Победоносцева // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XV Международн. науч.-теор. конференции. Иваново,2004.
- 21.*Кистяковский Б. А.* В защиту права: (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М.,1991. С.123.
- 22.*Кнабе Г. С.* Понятие энтелехии и история культуры // Вопр. философии. 1993. №5. С.73.
- 23.*Кнабе Г. С.* Русская античность. М.,2000. С.212.
- 24.*Кожин В.* "Позиция" и понимание: (Размышления после съезда) // *Кожин В.* Судьба России: Вчера, сегодня, завтра. М.,1990. С.160, 161.
- 25.*Лосев А. Ф.* Родина // Литер. газета. 24.01.1999. №4 (5278).
- 26.*Лосев А. Ф.* Страсть к диалектике. М.,1990. С.16.
- 27.*Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.,1978.
- 28.*Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М.,1998. С.651.
- 29.*Лосев А.* «Я сослан в XX век...» М.,2002. Т.2. С.540.
- 30.*Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.,1988. С.294.
- 31.*Мандельштам О.* Грифельная ода (II) // *Мандельштам О.* Соч.: В 2 т. М.,1990. Т.1. С.384.
- 32.*Мид М.* Культура и мир детства. М.,1988. С.322.
- 33.*Милюков П. Н.* Воспоминания. М.,1990. Т.1.С.223, 173.

-
34. *Михайлов А. В.* Из истории "нигилизма" // *Михайлов А. В.* Обратный перевод. М., 2000.
35. *Михайлов . В.* Из лекций // *Михайлов А. В.* Обратный перевод. М., 2000. С.698.
36. *Михайлов А. В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Очерки по истории филологической науки. М., 1989. С.140.
37. *Нильсен Г.* Обращение к субъекту: Мид и Бахтин о рефлексивности и политическом // М. М. Бахтин в контексте мировой культуры. Спецвыпуск ж-ла «Диалог. Карнавал. Хронотоп» 2003. С.95.
38. *Раков В. П.* Интеллигент и миф // Интеллигенция современной России: Духовные процессы, история, традиции и идеалы. Тезисы докл. XIII Международн. научно-теоретич. конференции. Иваново, 2002.
39. *Раков В. П.* Интеллигенция России в начале XX века: Культурная традиция и политические стратегии // Россия XXI века: творческий, духовный и нравственный потенциал интеллигенции. (Материалы круглого стола. Иваново, 25.VI.2002). С.15.
40. *Раков В. П.* Новая «органическая» поэтика. Иваново, 2002.
41. *Раков В. П.* Об интеллигентоведческом дискурсе // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации. Материалы XIV Международн. научно-теоретич. конференции 25-27.IX.2003. Иваново, 2003. С.51.
42. *Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века.* М., 2003.
43. *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795 – 1995) Часть I. М., 2001. С.272-273.
44. *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С.221, 11.
45. *Столяров А. А.* Аврелий Августин: Жизнь, учение и его судьбы // *Августин Аврелий.* Исповедь. М., 1991. С.35.
46. *Тахо-Годи А.* Лосев. М., 1997. С.209. С.209.
47. *Тацит К.* Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т.1. С.350.

-
48. *Тирген П.* К проблеме нигилизма в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1993. №1.
49. *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб.,1991. Т.1. С.71, 69.
50. *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М.,1998. С.7.
51. *Хоружий С. С.* Трансформации славянофильской идеи в XX веке // *Вопр. философии.* 1994. №11. С.55.
52. *Чулков Г.* Годы странствий. М.,1999. С.101-102.